
В. М. ГЕЕЦ,
академик НАН Украины, вице-президент НАН Украины,
директор ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”

О ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ *

Общество как особая форма жизнедеятельности людей, благодаря которой сохраняется и развивается человеческая идентичность, сформировало в процессе своего развития, с целью его же обеспечения, государственное и экономическое устройство. Каждое из них, в свою очередь, претендует на определенную завершенность, целостность, жизнестойкость и самое главное – способность влиять на положение дел в обществе, за исключением случаев их несостоятельности, известных как провалы рынка и провалы государства. Как результат, в триумvirате общество – государство – экономика наблюдается постоянное смещение акцентов – с единства на противоречия, и наоборот.

В докладе сделана попытка на основе обзора разных трактовок обобщить существующие противоречия в соотношении функционирования общества – государства – экономики. В конечном итоге, это позволяет на разных ступенях развития элементов этой системы увидеть направления их взаимодействия с целью обеспечения устойчивости самого развития.

As a special form of the vital activity of persons, due to which the human identity is conserved and develops, the society has formed the public and economic structures in the process of its development aimed at their support. Each of these structures pretends, in turn, to certain completeness, integrity, viability, and, which is the main point, the ability to affect the state of affairs in the society. The inability of these structures to operate leads to failures on the market and in the state. As a result, we observe the permanent shift of accents in the society – state – economy triumvirate from the integrity to contradictions and vice versa.

On the basis of the survey of various interpretations, the author makes attempt to generalize the known contradictions in the interrelations during the functioning of the society – state – economy triad. Eventually, this allows one to clarify the directions of their interaction on the different stages of the development of elements of this system with the purpose to ensure the stability of the very same development.

Доминирующее влияние общественного над государственным, инициировавшее обновление, просветительство и просвещенность со стороны государства, сыграло далеко не второстепенную роль и имело вовсе не прогрессивное значение, что и привело к известным процессам начала XX в. В конце царствования Александра I родилось и выросло поколение дворян, желавшее исцелить Россию от позорных болячек рабства и превратить ее в источник гражданской свободы и собственной ответственности, принося в случае необходимости в жертву этим идеалам и собственное благополучие, и собственную жизнь⁵². В сегодняшнем

---

* Изложение авторского доклада в Институте экономики РАН в мае 2012 г. (http://inesop.org/docs/Geets_paper.pdf), сделанного в рамках темы “Макроэкономическая сбалансированность в системе моделей развития экономики Украины”.

Окончание. Начало см. в № 10, 2012 г.

⁵² См.: В я з е м с к и й П. А. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. 7, с. 157.

общественном измерении и в России, и в Украине такое поколение людей и, соответственно, политическая элита с государственными и патриотическими устремлениями еще только должны или начали формироваться.

Неоднозначность и глубокая противоречивость процессов взаимодействия общества и государства в историческом измерении для России, а соответственно и для Украины, наблюдались неоднократно. Новейшие исторические исследования этой проблемы, в частности А. Глинчиковой, такой вывод подтверждают. В результате анализа она показала, каким образом Россия попала в эту политическую конфигурацию (имеется в виду базовый алгоритм существования системы, то есть характер взаимоотношений между обществом и государством, когда сохраняются политическое и экономическое бесправие и абсолютная беззащитность перед лицом государства), как, когда и почему в России сформировалась своеобразная логика взаимоотношений между обществом и государством⁵³.

Исследовательница обратилась к работам С. Соловьева, В. Ключевского, С. Платонова, С. Зеньковского и Г. Флоровского, посвященным изучению этих проблем, и пришла к выводу, что преодоление патерналистского типа развития началось в эпоху Возрождения XIII–XVI вв. с процесса индивидуализации личности. Именно тогда зарождается важная клеточка – ценность будущей гражданской эпохи – индивидуализация личности. Этот процесс Россия прошла вместе с Европой, причем все его этапы – от зарождения в XIII–XIV вв. до кризиса в XVI в. Это стало важным шагом, позволившим России продвигаться в направлении этапа, следующего на пути гражданской эволюции, – этапа индивидуализации веры, причем двигаясь на базе собственной социокультурной традиции. Именно попытка индивидуализации веры – весьма важный этап эволюции национальной духовной среды, без которого был невозможен дальнейший прогресс гражданской эволюции общества.

Вследствие такого важного раскола российское общество не смогло перейти от внешних форм религиозности и морали к внутренним и тем самым стало неспособным формировать внутренние самостоятельные формы социальной интеграции⁵⁴.

Таким образом, А. Глинчикова⁵⁵ на основе идей Г. Флоровского вернула нас более чем на 300 лет назад, когда государство утверждалось как единый, безоговорочный и всеохватывающий источник всех полномочий и всего законодательства, любой деятельности или творчества. Одним из результатов таких изменений стало присоединение к этим процессам и Украины, которая, развиваясь в своем общественном формировании, следовала такой же логике взаимоотношений между обществом и государством. Что касается содержания раскола, в результате которого и произошли сдвиги в структуре отношений общественного и государственного в пользу последнего, А. Глинчикова⁵⁶, опираясь на работы С. Зеньковского, отмечает, что в противоречиях между старообрядцами, олицетворяющими общественное, и патриархом Никоном последний не был самостоятельной фигурой. Реальными “кукловодами” процесса выступали греки со своими геополитическими интересами и просто личными амбициями. Вместе с тем раскольники уже были не новоявленными ретроgrадами, а скорее – жертвами нового геополитического вызова для России. Вот пример из истории, когда экзогенность процессов в государственной и общественной жизни носит продолжительный характер по результатам и (что особенно важно) имеет деструктивное влияние исторического характера.

⁵³ См.: Г л и н ч и к о в а А. Г. Социальное значение русского раскола. “Вопросы философии” № 6, 2008, с. 17.

⁵⁴ См.: т а м ж е, с. 28.

⁵⁵ См.: т а м ж е, с. 25.

⁵⁶ См.: т а м ж е, с. 22.

Опираясь на приведенные соображения, а также на утверждение о том, что старообрядцы отстаивали общественное, поскольку, по их мнению, русская церковь должна быть “собором всех православных представителей поровну”, голос которого должен превышать голос епископата⁵⁷, что означает доминирование духовного над авторитарным и бюрократическим и что отстаивал патриарх Никон, можно прийти к определенным взаимосвязанным выводам, которые следуют из упомянутых работ. Поскольку раскол – это конфликт общественный, то старообрядцы отстаивали в нем доминирование общественного над государственным, а из-за того, что этот конфликт носил глобальный характер и в нем участвовали внешние силы, которые к тому времени усматривали прогресс в характерном для европейского стиля жизни авторитаризме, именно он и оказался доминирующим, то есть в России сформировалось доминирование государственного над общественным. Именно это стало таким же фактором и для Украины, присоединенной к России. Но подобные тенденции возобладали не только в России (к примеру, Генрих VIII в Англии подчинил себе церковь, выведя ее из подчинения Риму).

Как видим, под влиянием эндогенных факторов общество может развиваться эволюционно согласно законам объективного характера, поскольку, будучи частью материального мира, общество отделилось от природы. Собственно, подобный путь отстаивали старообрядцы. Но экзогенное влияние на общественные процессы может быть деструктивным – как, например, более 300 лет назад в России, когда это отрицательно сказалось на дальнейшем развитии общественных и государственных отношений, особенно на фоне “огосударствленного” института церкви, несшей значительную часть ответственности за состояние духовной среды в стране, и уже в XX в. привело к тому, как пишет А. Деникин⁵⁸, что русская церковь не смогла дать ответы на вызовы того времени, в чем нуждалась общественная жизнь России, а это и подтолкнуло массы населения к участию в революциях 1905 и 1917 гг. В послепетровские времена тоже имели место попытки установления в России конституционализма, но ни В. Татищеву, ни Н. Голицину не удалось добиться успеха, поскольку против выступили уже представители духовенства, не без экзогенной поддержки, и самодержавие осталось доминирующим⁵⁹.

В развитии взаимоотношений общества и государства прогрессивную роль могут играть как общественное, так и государственное начала, но в каждом частном случае инициатива может быть и успешной, и провальной, поскольку носители передовых идей и борцы за гражданские свободы с обеих сторон, несмотря на свою преданность и самопожертвование, не всегда достигают желаемого результата, когда отсутствует иная, более мощная сила общественного измерения. Поэтому конфликт между государством и обществом обусловил формирование авторитарного государства с известными последствиями, которые во многом не преодолены и до сих пор. Эволюционным путем должна сформироваться определенная критическая масса необходимых изменений, и только тогда можно ожидать логического положительного результата и в общественном, и в государственном развитии.

Попытка государства, в лице прогрессивного самодержца, осуществить изменения в пользу общества тоже не привела к успеху, поскольку не была воспринята обществом. Наконец, как отмечал Н. Греч, “...государство, с преимущественно сильным, сообразительным, добрым народом, является, учитывая духовное состояние,

⁵⁷ См.: там же, с. 24.

⁵⁸ См.: Д е н и к и н А. И. Очерки русской смуты. В 5 т. Париж, 1921–1923. Переиздание. М., “Вагриус”, 2002.

⁵⁹ Подробнее см., например: Г о р д и н М. А. Меж рабством и свободой. СПб., Изд-во Пушкинского фонда, 2005, 280 с.

зрелищем печальным и даже отвратительным. Такие понятия, как честь, правда, совесть, ему почти неизвестны и являются исключением в душах людей, как в других странах исключением являются пороки. У нас злоупотребления срослись с общественным бытом, стали его обычным элементом. Может ли существовать порядок и благополучие в стране, где из шестидесяти миллионов нельзя выбрать восемь умных министров и пятьдесят честных губернаторов; где воровство, грабеж и взятки случаются на каждом шагу; где не найдешь правды в судах, порядка в управлении; где вранье, обман, взятки считались делом обычным и не грязным; где духовенство не знает и не понимает своих обязанностей, ограничиваясь механическим исполнением обрядов, и поддерживает суеверие в народе ради своего обогащения; где народ прозябает в невежестве и распушенности”⁶⁰. Как давно это написано, и как актуально это сейчас — сто лет спустя!

Из всего этого можно понять, насколько глубокими бывают противоречия между обществом и государством и как долго они могут оставаться такими, не модернизируясь, и даже обостряться в определенные периоды, как случается в период настоящих трансформационных преобразований, когда безнравственность становится нормой для большей части населения. Изменения же могут произойти только после того, как сформируется критическая масса изменений и их носителей, то есть людей — проводников этих изменений, которые по законам эволюции скачкообразно перейдут в иное качество более высокого уровня. Такой сценарий правдоподобен, ведь, поскольку общество — это все же не изолированная от природы часть материального мира, то и законы его развития подобны законам биологического развития. О правомерности и целесообразности такого сценария свидетельствуют исследования, к примеру, лингвистов из университета Ридинге (Великобритания), доказавших, что общество будет эволюционировать именно по законам эволюции генов. Вместе с тем время не ждет, ибо современные вызовы XXI в. могут разрушить природу, изменив ее до неузнаваемости и тем самым лишив общество естественной среды обитания, что, в свою очередь, может значительно углубить процессы вестернизации общественной жизни (вследствие чего в ней следует ожидать повышения конфликтности, а не эволюционности), заострив противоречие между обществом, государством и экономикой. В таком случае важно определить, будет ли оправдан современный общественный проект модернизации, если для нынешнего состояния общества характерны те же проблемы. Именно потому возникает вопрос о роли и участии государства и общества в реализации этого проекта и о соотношении их ответственности за результат.

Поскольку в XXI в. пороки общественной и государственной жизни несильно изменились по сравнению с прежними временами, то определение инновационного содержания всяких проектов является относительным, и не известно, в какой степени содержание инновационности отвечает запросам на необходимые изменения в современной общественной жизни. Причина такого сомнения, прежде всего, в том, что знания, служащие залогом инновационных изменений в обществе и в технологиях, определяющих будущее экономики, сегодня превратились в источник не только экономического могущества, но и власти. В силу того, что доступность знаний и возможность их обновления определяются экономическим могуществом как отдельных стран, так и наиболее богатой части их населения, поскольку для них в первую очередь функционируют лучшие университеты, с не доступной для большей части населения системой получения образования высокого класса. Тем самым углубляется противоречие между обществом и экономикой, а у госу-

---

⁶⁰ Цитируется по: “Новый мир” № 8, 2000, с. 158 (см. также: Г р е ч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886).

дарства недостаточно средств для обеспечения большинства высококлассным образованием, и бороться с так называемым “эксклюзивным образованием” для избранных оно пока не в состоянии, хотя это — одна из основополагающих задач преодоления социального отторжения.

По мнению Ю. Яковца⁶¹, обновление общества на инновационной основе разворачивается стихийно и нередко приносит отрицательные результаты. Иначе говоря, предыдущее утверждение о всепроникающем законе развития такой сложной системы, как общество, не однозначно. Соглашаясь с тем, что существует определенная зависимость от изменений в инновационных движущих силах и вызванных ими изменений в обществе, следует признать, что понимание общественной жизни как определенной совокупной деятельности индивидов, объединившихся для контроля над своими действиями, по утверждениям Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, не следует исключать из содержания общества даже сегодня, когда инновационное влияние достигло невиданных масштабов. Именно здесь возникает осознание того, почему все же существует единство между категориями “общество” и “институт государства” (на присутствие которого люди согласились для контроля над своей деятельностью), хотя такое единство не является полным, поскольку глубина проникновения института государства для контроля над отдельными действиями (в том числе и отдельных индивидов) не является всепоглощающей. Потому и остаются пока нерешенными, например, проблемы доступности высокопрофессионального образования и равноправия на рынке труда.

Общество в ходе своего развития не согласилось огосударствить значительную часть функций даже при тоталитарных условиях его функционирования. Несмотря на проблемы общественной жизни, охарактеризованные ранее, общество достигло определенных успехов в контроле над действиями, выполнение которых возложено на государство согласно общественному консенсусу. К таким действиям относятся и функции контроля, осуществляемые государством в обществе, но его монополия здесь недопустима. Это означает, что контрольные функции государства, в которых нуждается общество, в свою очередь, не должны оставаться вне контроля со стороны общества.

В целом постоянно повышается ответственность государств (даже высокоразвитых) за осуществление социальных функций, присущих обществу, в которое объединялись люди для удовлетворения “социальных инстинктов”, но в реальности происходит и активный процесс бюрократизации (в том числе и западного общества). Как уже подчеркивалось, бюрократия и менеджерский корпус (особенно крупных компаний) совместно доводят, как известно и неоднократно отмечалось, ситуацию до абсурда, формируя так называемый “управленческий империализм”, в котором процесс бюрократизации перерождается в своеобразную форму контроля не по формуле “все контролируют всех”, а по формуле “меньшинство контролирует большинство”. Это создает реальное противоречие государства с обществом, в котором должны удовлетворяться “социальные инстинкты”. Но самое важное при этом, что “социальные инстинкты”, которые объединили и сейчас объединяют людей в общество, могут превратиться и реально превращаются в “социальные пороки”, являющиеся продолжением “социальных инстинктов”. Именно благодаря этому бюрократия получает свою ренту, и именно поэтому может поддерживаться своеобразная жизнеспособность государства, способствующего контролю меньшинства (бюрократии) над большинством. Но это не является и не может быть нормой.

---

⁶¹ См.: Яковец Ю. В. Стратегия XXI века: инновационное обновление общества. В сб.: Закономерности и перспективы трансформации общества: материалы к V Международной Кондратьевской конференции. Т. 1. М., МФК, 2004, с. 417.

Достаточно часто государство рассматривается в экономической и социальной жизни как единый организм, обеспечивающий единство экономики и общества благодаря тому, что существует единство в стадильности развития хозяйства и общества типа индустриального и постиндустриального, общества и экономики знаний, когда факторы и природные ресурсы развития при соответствующей хозяйственной системе скорее определяют, чем характеризуют общественное развитие. Особенно характерен такой подход может быть в условиях истощения важнейших природных ресурсов Земли и обострения противоречий в борьбе за контроль над этими ресурсами, что уже наблюдается сегодня и ожидается в еще более жестком противостоянии в ближайшие 30 лет. Такое “совпадение” обусловлено тем, что основу жизнедеятельности общества составляют, с одной стороны, экономика (с греческого – “правильное ведение хозяйства”), а с другой – государство, выступающее не только как организация политической власти и один из институтов общества, но и как экономический субъект, имеющий в своем распоряжении разнообразные экономические ресурсы и экономическую власть наряду с политической. Благодаря этим составляющим в государственном масштабе принимаются решения, охватывающие почти все сферы и виды хозяйственной деятельности людей, в которых благодаря экономическим отношениям удовлетворяются общественные потребности (особенно те, к которым привыкло современное общество практически большинства стран).

Если исходить из того, что граждане страны, объединенные общими интересами для ведения хозяйственной деятельности, одновременно являются и участниками гражданских учреждений, формирующих гражданское общество, то государство как институт выступает для людей органом власти с целью осуществления управления и регулирования (в том числе и в отношении экономической сферы жизни общества). Однако это не единственная сила, способная осуществлять управление и регулировать хозяйственную деятельность. Значительную часть функций управления выполняют разнообразные хозяйственные общества и объединения; решая определенные задачи, они вступают в отношения, которые часто не регламентируются ни в обществе, ни в государстве. Причем уровень развития общественных и экономических инстинктов может порождать такую степень их концентрации, когда они становятся мощнее государства, и тогда рождается еще одна разновидность противоречий, поскольку деятельность таких объединений часто не контролируется законом, без которого, как известно, не возможны гражданские свободы, или же они, будучи мощнее государства, могут свободно обходить законы и, кроме того, подталкивать те или иные решения власти или непосредственно влиять на них.

Следовательно, на каждом этапе развития существуют безоговорочные противоречия, которые совместно могут влиять на положение дел и в обществе, и в государстве, и в экономике. Общественные силы и их интересы в государстве нередко бывают разъединены, все же они нуждаются в более или менее сильном влиянии на “порядок” – тем более, что положение дел и состояние отношений между общественными силами и государством могут принципиально меняться во времени. Степень же компромисса в их отношениях определяется уровнем напряженности (или консенсуса) в обществе, что, в свою очередь, однозначно влияет на экономический базис общества. Не случайно сегодня для характеристики положения дел в экономике и в обществе используется, например, индекс человеческого развития, применяемый для оценок общественного характера – таких, как уровень образования населения и др., что, собственно, является результатом скорее общественно-го, а не экономического развития.

Поскольку общество представляет собой согласованную деятельность, сотрудничество, а весь комплекс взаимоотношений, созданный этими согласованными действиями, называется “обществом”, и общество является, по сути, разделением и объединением труда⁶², то, следуя логике Л. Мизеса, можно прийти к выводу, что общество – это феномен, возникший как результат необходимости согласования совместной деятельности или сотрудничества личностей, ведь без этого деятельность могла бы оставаться индивидуализированной. Следовательно, возникновение общества и его природа связаны, прежде всего, с *согласованием*, как считал Аристотель, “социальных инстинктов”, а также с необходимостью контроля за действиями, выделенными Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо и другими. Поскольку общество так или иначе связано с необходимостью обеспечить определенную “ориентацию поведения людей”, на что обращает внимание Л. Мизес, то возникает вопрос: каково же ее содержание? Ответ заключается в том, что разделение труда и вообще деятельности человека заложено естественным путем.

Именно поэтому Л. Мизес небезосновательно утверждает, что общество является результатом человеческой деятельности, в основе которой лежит принцип разделения труда, и именно поэтому человеческое общество – это интеллектуальное и духовное явление, благодаря которому и возникла общественная жизнь. Таким образом, общество является результатом сознательного использования универсального закона, определяющего “космическое становление”, а именно – стремление к более высокой производительности и разделению труда. В каждом примере признание законов природы означает стремление поставить их на службу человеческим усилиям для улучшения условий существования⁶³. Иначе говоря, это утверждение отображает содержание единства категорий “общество” и “экономика”, поскольку благодаря человеческой деятельности происходит их объединение через разделение труда или распределение деятельности, что, в свою очередь, обеспечивает повышение производительности труда, дает возможность проявиться воле и стремлению как к формированию, так и к развитию общества. Кроме того, мы находим общий знаменатель в категориях “общество” и “государство”, поскольку они представляют собой важнейшие для всех людей средства достижения целей, к которым стремятся сами. Эти образования возникли в результате человеческих усилий, а их сохранение и наиболее приемлемая организация являются задачами, которые, по сути, не отличаются от других забот людей⁶⁴.

Следовательно, и общество, и государство, и экономика, будучи важнейшими средствами достижения целей для людей, в свою очередь, формируют и развивают их по собственной доброй воле, чтобы благодаря человеческой деятельности в общественном, государственном или экономическом отношениях на основе разделения труда обеспечивать улучшение условий существования в широком смысле этого слова. В современном мире удовлетворение людей жизнью в обществе и в государстве, сформированных для этого путем достижения целей, имеет не только экономическое, но и социальное измерение, поскольку деградация взаимной терпимости, справедливости, взаимоуважения и т. п., которые, собственно, и составляют основу общей деятельности и общественного сознания, даже при высоком уровне удовлетворения материальных потребностей порождает неудовлетворенность, нестабильность и противоречия между обществом, государством и экономикой. Особенно важно, что государство как институт политической и идеологической власти, которая реализуется на основе определенной партийной идеоло-

⁶² См.: Мизес Л. Человеческая деятельность. М., “Экономика”, 2000, с. 135.

⁶³ См.: там же, с. 137.

⁶⁴ См.: там же, с. 140.

гии, когда каждая партия претендует на то, что именно ее идеология является или должна быть господствующей, ведет к конфликтности в обществе, а затем и в самом государстве.

Последствия этих процессов негативны для развития общества, когда идеологии, претендующие на господство, находятся не в конкурентной борьбе идей, а в конкурентном противостоянии или монопольном положении. Показателен для такой ситуации в политической и государственной власти с полным набором противоречий между обществом, государством и экономикой пример или, скорее, опыт их трансформационных преобразований в Украине (и не только в Украине) за последние 20 лет. В качестве цели таких изменений определялась перспектива формирования демократического, правового, рыночного, богатого во всех отношениях общества. Что же получилось в результате? Сформировался «олигархический дикий капитализм, с жесткой социальной поляризацией, масштабной бедностью, причем бедностью даже работающего населения, разрушенной социальной сферой, повсеместной коррупцией и деформированной моральностью.

В этих условиях украинская политическая элита оказалась неспособной дать адекватные ответы на те исторические вызовы, которые встали перед ней. Общей чертой деятельности всех президентов Украины, всех команд украинской власти последних двадцати лет была их «нестратегичность»⁶⁵.

Что же может быть итогом таких трансформаций в перспективе? Как вариант, сошлемся на недавние оценки Э. Уилсона, ведущего научного сотрудника Европейского совета по международным делам, чье мнение может быть весьма важным, поскольку в своих политических декларациях современности Украина декларировала европейский выбор. В частности, Э. Уилсон, оценивая итоги 20 лет независимости и трансформационных преобразований, пишет, что «Украина всегда на распутье... Украине угрожает превращение в плохо функционирующую полуавтократию (это итог трансформаций государства. — В.Г.) и абсолютную периферию (это итог трансформаций в обществе и в экономике. — В.Г.)»⁶⁶.

Собственно, так рождается противоречие между государством и обществом, несмотря на то, что, казалось бы, благодаря разделению труда и стремлению к объединению ради улучшения условий для существования должны расти производительность экономики и наблюдаться общественный прогресс. Но борьба за власть и ее монополизацию, несмотря на, казалось бы, соблюдение демократических процедур в части выборов, тормозит развитие и приводит к кризису (в том числе и экономическому), хотя объединение общества и государства должно было только способствовать улучшению ситуации. Тем самым борьба за власть и за ее монополизацию, начавшаяся в ходе формирования государства, несет в себе достаточно глубокое противоречие между обществом и государством, из-за чего страдает экономика, а жизнь не улучшается.

В природе власти не заложено единоначалие, согласно которому было бы определено ее однозначное функционирование, и тем более — на этот счет нет единого решения ни во времени, ни в пространстве. В результате постоянно происходят изменения и даже перевороты как мирным, так и далеко не мирным путем. Однако отойти от этого в историческом аспекте невозможно, поскольку в общественной и в государственной жизни неминуемо начнется война «всех против всех». Все же

---

⁶⁵ См.: Шульга М. О. Трансформація закінчилася. Що маємо? В сб.: Українське суспільство двадцять років незалежності: соціологічний моніторинг. К., Інститут соціології НАН України, 2011, с. 559.

⁶⁶ У и л с о н Э. Между двумя совершеннолетиями. «Россия в глобальной политике» Т. 10, № 1, 2012, с. 126.

общество развивается, в процессе чего изменяется и нередко расширяется роль государства, тогда как общество терпит борьбу за власть и одновременно стремится создать условия для конкуренции, а не для конфликтов, формируя в своей структуре различные политические партии, расширяя их возможности в борьбе за власть, хотя эти процессы могут доходить до абсурда, когда в стране десятки партий.

Высокий уровень экономического развития не является конечной целью, поскольку для человека столь же важны ценности интеллектуального и духовного развития. Именно поэтому и для общества, и для государства важно заботиться о том, чтобы создать среду, которая бы не возводила непреодолимых препятствий на пути гениев, и в достаточной степени освободить обычного человека от материальных забот, чтобы он имел возможность интересоваться чем-либо иным, кроме поисков средств к существованию⁶⁷. В глобальном масштабе неравенство между странами, и без того значительное, усиливается еще больше. Разница в душевых доходах (например, 10% богатейших американцев по сравнению с 10% беднейших жителей Эфиопии) составляет намного больше 10 тысяч раз⁶⁸. А это в очередной раз доказывает, что на первый взгляд безоговорочные принципы “четырёх свобод” Ф. Рузвельта на самом деле остаются не более чем декларацией, которая не реализуется по отношению ко всему человечеству. Наоборот – противоречия углубляются, поскольку к свободе от нищеты невозможно даже приблизиться, и сегодня миллионы людей на Земле не только голодают, но и умирают от голода, а проблема неравенства вышла на первый план в оценке жизни общества.

В глобальном понимании государство (государства) и общество вступают в противоречия с экономикой, поскольку имеющиеся в современном обществе деформации порождают массовую бедность, с которой не удастся справиться ни в целом мире, ни в отдельных странах. И это – после тысячелетий существования как человечества, так и общества. Заботиться о формировании творческой среды без решения проблем выживания довольно сложно.

Начало XXI в. ознаменовалось новыми тенденциями, которые, возможно, приблизят общества отдельных стран (или, что маловероятно, человечество вообще) к разрешению этих противоречий. Начали формироваться такие виды деятельности, которые обеспечивают успех, а значит, и создают перспективы для достижения целей развития благодаря тому, что объединяются деятельность профессиональная (то есть рожденная в результате разделения труда) и деятельность творческая. Следовательно, определенная культурная идеология вместе с профессиональной дают стране новый толчок к успеху. Подобные взаимоотношения называют “культурно-технологическим содружеством” или даже “культурно-технологическим обществом”, которое пока не имеет общегосударственного масштаба, но со временем может его достичь, если удастся преодолеть существующие противоречия в обеспечении массового доступа к знаниям, позволяющим не только обогащаться, но и контролировать власть. Такие тенденции охватили и технологическую сферу, и сферу управленческой деятельности как на макро-, так и (особенно) на микроэкономическом уровнях. Таким образом, может достигаться единство общественного, в значительной мере обусловленное как духовной, культурологической составляющей, так и экономической, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность экономики.

На фоне рассмотренных противоречий между государством, обществом и экономикой одновременно существует их единство в части необходимости достижения общественного успеха путем формирования общественных благ, представляю-

---

⁶⁷ См.: М и з е с Л. Указ. труд, с. 135.

⁶⁸ См.: Б е р д с о л Н. Усиление неравенства в новой глобальной экономике. “Вопросы экономики” № 4, 2006, с. 84.

щих собой, согласно Б. Чичерину⁶⁹, совокупность моральных и материальных интересов, а общественное благо является высочайшей и конечной целью государства, содержащей в себе все остальные. А каким же образом должно достигаться общественное благо, олицетворяющее духовные и материальные ценности, которые, в свою очередь, формируют интересы членов общества? Ответ находим у того же Б. Чичерина, который считает, что все человеческие интересы (как материальные, так и духовные), в определенной мере благодаря взаимным связям, становятся интересами общественными, поскольку лишь в союзе с другими людьми человек достигает своего предназначения. Следовательно, частное хозяйство зависит от промышленного состояния целого народа, а личное образование – от состояния народного просвещения. Такая совокупность интересов, которая называется “общественной полезностью”, является необходимой целью союза. Эту цель приписывают государству как скептическая школа (или утилитаристы), так и идеалисты, и наконец – социалисты⁷⁰.

Однако далеко не всегда личные интересы становятся общественными и тем более государственными. До определенной степени они могут совпадать, но даже в развитых обществах и экономиках это требует наличия систем противовесов, поскольку реально в обществе и в экономике всегда защищаются корпоративные интересы, а у людей, их отстаивающих, постоянно присутствует стремление владеть и властвовать – вплоть до господства в глобальном масштабе. В общественном измерении экономический результат в отдельной стране, даже богатой, не гарантирует достижения единства интересов как в обществе, так и в экономике, и в государстве, поскольку, к примеру, в США статистические показатели относительно насилия, депрессии, наркомании, разводов, преступности свидетельствуют о том, что, хотя это общество и является богатейшим в истории, оно, возможно, и одно из наименее счастливых⁷¹. Таким образом, в общественном измерении обустройство собственного и государственного благополучия может создавать существенное противоречие – тем более, что зачастую личное обогащение происходит за счет общественного, и государственного, а это, в свою очередь, является свидетельством существующих противоречий между экономическим, общественным и государственным. В экономике, имеющей корпоративную основу, общественное может использоваться в корпоративных целях.

Существует еще одно важное соотношение между обществом, государством и экономикой: любой экономический результат может восприниматься как успешный только тогда, когда получает общественное признание и когда мы рассматриваем экономику как результат деятельности, направленной на производство товаров, пользующихся спросом и тоже имеющих общественное признание благодаря их качеству. Это и является результатом успеха определенной экономической системы или экономического события. Под таким углом зрения общественное и экономическое воспринимаются в единстве их характерных признаков. Общественное признание и государственную поддержку должны получать не только результаты экономической деятельности, но и сама идея о ней. Общественное мнение может одобрить или не одобрить определенную идею, и здесь общественное и экономическое вступают в серьезное противоречие, поскольку посередине находится государство, которое может и даже в определенной мере обязано оказывать или не оказывать поддержку будущему результату, инициировать или тормозить изменения,

⁶⁹ См.: Ч и ч е р и н Б. Курс государственной науки. Ч. I, с. 12.

⁷⁰ См.: т а м ж е, с. 12, 13.

⁷¹ См.: П е р к и н с Д ж. Исповедь экономического убийцы. Authorized Translation into Russian. San Francisco CA, USA: Berreh – Roohlev Publishers Inc., Pretext, 2005, p. 83.

которые на начальной стадии не дают четкого представления о результате. Таким образом, общественное, гражданское общество и государство — это разные стороны одного и того же. Поэтому Б. Чичерин писал, что государство и гражданское общество не являются двумя сферами, которые разделены резко определенной границей, так что ни одно не может переходить за границы другого — это две стороны одного и того же народного союза ⁷².

Общественное в определенной мере не может выходить за пределы государственного, поскольку государство, имеющее юридическую базу, в каждом конкретном случае достаточно однозначно очерчено нормами закона и этики, поэтому общественное как выражение частного должно согласовываться с государственным, то есть подчиняться ему. Общественное остается таким настолько, насколько государственное выражает общественное и позволяет ему реализоваться, ибо общественное может разрушить государственное, а поскольку государственное — это тоже объединение, имеющее правовую (юридическую) почву, то оно таким и остается, ведь “в государстве к моральному началу присоединяется юридическое” ⁷³.

В общественной жизни выбор человеком институтов гражданского общества является свободным, а государственного — вынужденным, поскольку он определен юридической нормой, которую устанавливает закон.

Каждый член общества может только выразить протест против государственного союза, носящего нормативный характер, и сделать это, “голосуя ногами”. Но, покинув одну страну, он вступает в “союз народов” другого государства и должен подчиняться хоть и иной, но юридической норме. В таком случае выбор, скорее всего, происходит через экономическое, ведь, признавая приоритет государственного, большинство людей остаются жить там, где их устраивает прежде всего экономическое, разве что исключением является политическая эмиграция. В сущности, это свидетельствует об общественном выборе в пользу последнего. Однако государство может отказать в выборе общественного, и тем самым человек становится заложником государства (в прямом и в переносном смысле), несмотря на то, что является носителем общественного, и его протест нередко даже не имеет разрушающего характера. В отдельных случаях может наблюдаться влияние политического, идеологического, ностальгического, традиционного, когда человек добровольно или принудительно возвращается в свое общественное, смиряясь с государственным и экономическим. Но такие случаи — скорее исключение, чем правило.

Следует также учитывать, что, если “все общественные интересы составляют цель государства, корпорации могут стать органами государственных целей” ⁷⁴. А это означает, что, даже если корпорации не являются таковыми в юридическом смысле (то есть не имеют статуса института, который может быть соотнесен со статусом определенного органа с непосредственно государственными целями, то есть отвечающего целям государства), то, оставаясь структурами, прежде всего экономическими, хотя частично и общественными, они могут выполнять определенную роль государственных структур. Это происходит, если корпоративные и государственные интересы совпадают в силу того, что существует общественное признание деятельности корпораций, взаимодействующих с государством и нередко выражающих государственные интересы и цели, и наоборот, особенно если учесть, что многие современные корпорации придерживаются социальных стандартов, обеспечивать которые — главная задача государства, и таким образом удовлетворяют общественные запросы. Тем самым через корпоративное взаимодействие дости-

⁷² См.: Ч и ч е р и н Б. Курс государственной науки. Ч. I, с. 87.

⁷³ Т а м ж е, с. 90.

⁷⁴ Т а м ж е, с. 243.

гается единство экономического и государственного, поскольку на корпорациях лежит отпечаток их общественной роли (особенно когда корпорация придерживается социальных стандартов в широком смысле, а не только в случае, когда она осуществляет социально оправданную деятельность, не нанося вреда тем, кто использует ее результаты).

В государстве представлены, прежде всего, частные и корпоративные интересы, а личные интересы и интересы общественных организаций представлены в обществе, впрочем, нередко личное и корпоративное пользуются общественным в собственных целях. Кроме того, не следует ограничивать понятие об обществе как об области экономических отношений — точно так же, как и ограничивать понятие распределенных духовных благ, поскольку человек является существом как физическим, так и духовным; взаимодействие людей — это обмен как материальными благами, так и мыслями, и чувствами ⁷⁵. При этом государство может рассчитывать на определенный успех, когда опирается на убеждения значительной части общества (поскольку в этом проявляется социальная сила государства, на роль и значение которой указывалось выше. — В.Г.). Без этого оно остается бессильным ⁷⁶. В случае массового недоверия к государству экономика и общество достаточно быстро начинают деградировать, особенно если межличностное доверие в обществе также является невысоким.

Государству в своих действиях следовало бы исходить из превалирующих в обществе настроений и потребностей, формирующихся на основе личных и корпоративных интересов, которые должны в то или иное время доминировать в обществе и заложены в определенных обычаях, традициях, общественной полезности, общественной согласованности. Но для этого необходимо, чтобы в государстве приоритетными выступали так называемые “современные” функции, а не традиционные для XVIII—XIX вв. Важно также учитывать, насколько те или иные настроения, господствующие в обществе, выражают *интересы его развития*.

Для примера мы рассмотрели, как в историческом измерении настроения, господствовавшие в российском обществе конца XVIII — начала XIX в., затормозили модернизационный проект Александра I. В этом случае общественное служило тормозом развития, инициированного государством, вопреки часто доминирующей мысли, что развитие государства зависит от уровня развития или состояния общества, в котором оно пребывает в то или иное время.

Соответствие (несоответствие) между обществом и государством не является безоговорочным, поскольку на одних этапах общественные процессы опережают государствообразующий процесс, а на других — наоборот. Государство как политический институт не всегда отвечает доминирующим в обществе настроениям и потребностям людей. Таким образом, общественные и государствообразующие процессы находятся в диалектической взаимосвязи, поскольку государство как политический институт пребывает, в первую очередь, под влиянием господствующих политических сил, и даже демократическое государство, где есть свободы, одновременно сохраняет традиции прошлого — то ли монархического, то ли тоталитарного, то ли архаического.

В условиях демократии свободы человека не являются четко очерченными, ведь человек может быть свободным и тогда, когда его позиция противоречит общепринятой, поскольку демократия — это толерантный политический режим. Он пребывает под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Когда ситуация в экономической жизни является определяющей, политические вкусы более стабиль-

⁷⁵ См.: Ч и ч е р и н Б. Курс государственной науки. Ч. II, с. 3.

⁷⁶ См.: т а м же, с. 8.

ны, хотя общественные вкусы, находясь преимущественно под влиянием частных потребностей, меняющих настроения в обществе, могут совпадать с господствующей политической доктриной государственного строительства. Но не всегда. Одним из современных примеров трансформирующегося общества стал тот факт, что в Украине накануне “оранжевых событий” экономика стремительно росла, однако это не затормозило общественных волнений. Как следствие, в государстве – политический кризис долговременного характера, в экономике – доминирование политического цикла в экономической политике, а у большей части населения – социальная неудовлетворенность всем происходящим.

Государственное строительство должно отвечать, прежде всего, государственным целям, которые, в свою очередь, формируются на основе общественных потребностей и предпочтений. Тем не менее их инициаторами и носителями, за исключением стремления к революционным изменениям, является (хоть и не всегда) наиболее образованная часть населения, представляющая меньшинство. Таким образом, в обществе, а значит – и в государстве, органично возникает серьезное противоречие между образованным меньшинством, являющимся носителем определенных общественных потребностей модернизационного содержания, и большинством, которое на протяжении длительного времени остается общественной силой, не настроенной на изменения. Поэтому менее образованное большинство или политическая сила, опирающаяся на собственные интересы и потребности, может диктовать условия более образованной части общества.

Эта мысль не бесспорна, поскольку в глобальном измерении в середине XX в. произошел передел государственных границ, что тесно связано с военной и идеологической борьбой западной демократии с тоталитарными диктаторскими режимами нацистского и коммунистического направлений. Это совершенно новый социально-политический аспект государственных территориальных преобразований⁷⁷. В результате пришли к “отказу от итогов Второй мировой войны ради тотальной демократизации мирового сообщества” с помощью экспорта демократии, основанной на революционном взрыве (вместо эволюционного реформирования). Затем начался новый передел мира, который трансформировался в глубокий общественно-политический кризис мирового сообщества⁷⁸.

Такие трансформации непосредственно касаются и украинского общества, и обществ многих других стран. Это реально означает, что на сегодня еще нет видения таких процессов, а глобальные сценарии будущего достаточно противоречивы. Одни из них имеют модернизационное содержание и ориентируют на приспособление к новым условиям. Другие же ориентированы на новые обострения, углубление противостояния и даже хаос, который вполне может начаться, например, вследствие дезорганизации финансов и торговли или падения авторитета международных организаций.

Современный опыт показывает, что даже в обществе, основанном на знаниях, разрыв между социальными группами населения растет. Именно он является предметом внимания со стороны более образованного меньшинства, которое понимает, что эти противоречия могут быть преодолены только благодаря повышению уровня образования, когда знания об общественной и государственной жизни как таковые усваиваются все большей массой населения. Но, как уже указывалось, в реальности нередко все далеко не так.

---

⁷⁷ См.: П е т р а к о в И. Демократизация и новый передел мира. “Свободная мысль” № 7–8, 2006, с. 46, 50, 51.

⁷⁸ См.: т а м ж е, с. 56.

Поскольку знания — это единство чувственного и рационального⁷⁹, под влиянием которых формируются настроения в обществе и общественные потребности, а последние в совокупности в процессе создания государства являются доминирующими, то в основе единства общества и государства лежат знания людей. Именно поэтому наиболее близко к разрешению проблемных противоречий между государством и обществом, между более образованным меньшинством и менее образованным большинством, что позволяет реализовать принципы демократии и свободы, лежит знание, благодаря накоплению и распространению которого и могут быть разрешены указанные противоречия. Однако следует иметь в виду, что путь к такому единству довольно сложен и противоречив, поскольку единство общества знаний и экономики знаний, а соответственно, и государства может быть достигнуто лишь тогда, когда знания станут основой философии бытия и креативности действий, поскольку “философия — это система знаний, ставшая убежищем для людей, и является принципом действия”⁸⁰. Именно поэтому речь должна идти о креативности действий, поскольку собственно знания и механизмы овладения ими могут в одних случаях способствовать контролю и над государством, и над обществом, а в других — быть способом получения власти и обогащения.

В этом смысле только процесс массового накопления и распространения знаний должен, с одной стороны, стать основой повседневной деятельности, а с другой — уверить человека, что собственно знания не только позволяют формировать потребности, но и дают возможность их удовлетворить, и при этом государство как политический институт должно способствовать процессу накопления нового знания и трансформации его в повседневное. Это тем более важно, поскольку известное противоречие между идеологией общества, где доминирует философия либерализма или социализма, когда для одних “все свободны, но никто не равен”, а для других “все равны, но никто не свободен”⁸¹, находит свое разрешение, поскольку “...соединение человека со знанием — этим “всеобщим богатством” — в процессе труда не может осуществиться ни по принципу частной собственности (ибо знание, которым я пользуюсь, принадлежит мне), ни по принципу общественной собственности (то, что я знаю, может знать и другой)”⁸². Это возможно, если процесс накопления знаний станет основой философии как системы и как принципа действия большинства, а не меньшинства, стремящегося к власти и обогащению.

У человека, кроме всего, есть еще и духовные потребности, формирующиеся посредством веры, традиций, морали, культуры и являющиеся результатом долгосрочного действия названных факторов. Только после того, как в духовном проявится влияние не только унаследованных в семье указанных понятий, ценностей и чувств, доминирующих на той или иной территории, но и приобретенных знаний, постоянно трансформирующихся в знание повседневное, можно ожидать желаемого результата. Процесс накопления знаний помогает людям найти разрешение еще одного противоречия между обществом, государством и экономикой, а именно — объединить усилия для выполнения как общественных, так и государственных функций, поскольку, действуя сообща, можно добиться лучших результатов, чем в одиночку.

Привлечение для расширения производительных сил общества не только физических, но и умственных способностей ведет к развитию в экономической и

---

⁷⁹ Подробнее см.: К о п н и н П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., “Мысль”, 1974, с. 191–197.

⁸⁰ К о п н и н П. В. Диалектика, логика, наука. М., “Наука”, 1973, с. 331.

⁸¹ Подробнее см.: М е ж у е в В. Есть ли будущее у социализма? “Свободная мысль” № 7–8, 2011, с. 79.

⁸² Т а м ж е, с. 84.

общественной сферах, а человек как носитель духовного получает возможность реализовать собственные принципы свободы вместо того, чтобы жить под постоянным давлением, когда сильный доминирует над более слабым, а менее образованное большинство — над более образованным меньшинством.

Таким образом, физическая сущность человека, проявляющаяся как способность подчинять силы природы и тем самым удовлетворять собственные потребности в общественном и государственном измерениях благодаря накоплению знаний, умножает и духовное, и материальное богатства личности благодаря примату разума, который постоянно развивается. В результате между обществом и государством минимизируется отличие в отношении к человеку, который с помощью способностей, физических данных и умственной деятельности развивает свои возможности для удовлетворения собственных потребностей и духовного обогащения. Между людьми и над ними действуют общественные и государственные силы, но, поскольку каждая из этих сил осуществляет свою функцию, то их влияние весьма различно. Общество как целое — не более чем фикция. Общество не является личностью и не имеет воли (хотя и имеет традиции). Государство же имеет свою, присущую ему сферу деятельности; оно не работает и почти не покупает или покупает мало, сохраняет правовой порядок и управляет общими интересами. В силу этого присвоение им частных капиталов может быть только актом насилия. Не оно их создало, а потому они ему не принадлежат ⁸³.

Следовательно, формирование капитала как накопление результатов частной деятельности в личном и корпоративном измерениях имеет экономическую основу и не совпадает с государственной функцией, а является скорее функцией общественной, поскольку господствующий в стране общественный порядок обусловлен взаимодействием экономического и общественного, и способность государства присваивать результаты частной деятельности и вмешиваться в сферу экономической жизни частного характера зависит от общественного порядка. Собственная экономическая деятельность, как указывал еще Б. Чичерин, представляет собой одно из проявлений общественной жизни, ведь в ней отображается деятельность не только и не столько отдельного человека, сколько массы разнообразных союзов, определяющих одновременно и экономическую, и общественную жизнь. Среди них — корпорации, кооперации, союзы потребителей, профсоюзы, для которых характерны основы и цели, отражающие экономические и общественные интересы и взаимодействующие в условиях, определенных властью, которая должна корректировать их деятельность в правовом поле. Взаимодействие государства, общества и экономики имеет не только юридическое, но и социальное измерение с весомым духовным началом, поэтому не последнюю роль здесь играют такие понятия, как ответственность перед совестью и обязанность перед государством и обществом, которые, по сути, определяют приоритет государственных интересов перед частными и корпоративными.

Совесть в общественном и государственном измерениях является определенным мотиватором к самоограничениям, а потому и для общества, и для государства, и для экономики это начало является залогом их единства, ведь без такой своеобразной и “правовой” свободы, в которой заложены обычаи, традиции, ум и воспитание, человек — хоть бедный, хоть богатый — может быть опасен и для общества, и для государства, и для экономики, поскольку его интересы ограничены экономическими стремлениями и разъединены с интересами и общества, и государства.

Проблема единства между членами общества с разным статусом (в частности, материальным) разрешается, когда, наряду с правовым порядком, в обществе добро-

⁸³ См.: Ч и ч е р и н Б. Курс государственной науки. Ч. II, с. 14–15.

вольно поддерживается деятельность одних, более богатых, в пользу других, как правило, бедных. Таким образом, на моральной основе достигается единство правового (государственного) и общественного, порожденных экономическим неравенством, что, в сущности, хоть и естественно, но сейчас уже достигло таких масштабов, когда даже в благополучных государствах начинается движение “Захвати Уолл-стрит”, цель которого – заставить богатое меньшинство услышать бедное большинство. Это – относительно внутригосударственных проблем. Что же касается межгосударственных проблем, то здесь происходящее сегодня в глобальном масштабе нередко рассматривается с точки зрения конфронтационной логики Восток – Запад, и “...при этом остается не проработанным до конца самый мрачный сценарий: что будет, если новый мировой порядок станет началом эпохи реальной многополярности при отсутствии взаимного учета интересов и многостороннего сотрудничества”⁸⁴.

Общественное не только имеет важное экономическое измерение, но и служит залогом стабильного развития, которое опирается на моральную основу и, соответственно, зависит от того, какие права, обычаи и традиции воспитания исповедует общество, поскольку именно общественные устои могут сдерживать отрицательные процессы. Но история знает немало примеров, когда общественные устои и государственное устройство одновременно сдерживали творческую энергию отдельных людей. И хотя подобные явления как бы остались в прошлом, все же и в современном мире далеко не всегда в общественном и государственном восприятии статус науки и образования таков, что позволяет талантливому человеку реализовать свою творческую энергию и занять надлежащее место в общественной жизни или государствообразующем процессе. На определенных этапах (особенно в современных переходных обществах и экономиках) творческая работа не организована таким образом, чтобы результаты принадлежали автору и получили заслуженную оценку, поскольку общественный и государственный подходы иногда дают возможность реализоваться иным целям. Именно поэтому и общество, и государство временами сдерживают творческое начало и становятся на путь конфронтации в локальном и глобальном масштабах.

Государство, гарантируя (декларируя) человеку свободу в экономической жизни, тем самым формально позволяет ему заниматься любым видом деятельности, потреблять все, что он желает, и свободно выбирать себе место жительства. Вместе с тем реально оно не дает ни обществу в целом, ни его отдельным членам возможности полностью удовлетворять свои нужды, хотя может помогать в приобретении или бесплатном получении достаточного количества различных вещей и товаров для потребления, но ресурсы для этого всегда, во всякий текущий момент, ограничены.

Декларируя в обществе равноправие (особенно что касается удовлетворения потребностей, сформированных на основе свободного выбора), в экономическом отношении государство в результате естественно существующих ограничений, как правило, не может их обеспечить. Таким образом, и нормы, закрепленные в конституции, и нормы “неписаные” тоже расходятся с реальностью. Это обусловлено даже тем, что и сферы, и виды деятельности распределены неравномерно (например, территориально). Поскольку далеко не все виды деятельности дают одинаковый результат, а соответственно, и возможность одинаково удовлетворить потребности, то общественный выбор относительно свободы и равенства, закрепленных в государственных юридических актах, в целом и в отдельных случаях деформирован. В конечном итоге, государство, не имея возможностей выполнить свои задекларированные обязательства, тем самым вынуждает население ограничивать свои стремления (в том

⁸⁴ Л е н д ь е л Л. Последние мирные дни? “Россия в глобальной политике” № 4, 2011, с. 112.

числе и относительно накопления знаний). Множество людей с высшим образованием нередко оказываются не у дел.

Таким образом, свобода общественного выбора, поддержанная со стороны государства юридической нормой закона, экономически не достигается, а потому не достигается единство общественного и государственного в экономическом аспекте. В свою очередь, противоречия, которые постоянно генерируются, порождают неравноправие и, как следствие, ограничивают свободу. И именно такими причинами обусловлена бедность как постоянное явление даже в сравнительно богатых обществах. Поэтому перед государством постоянно должна стоять задача уравновешивать возможности для удовлетворения потребностей в обществе, члены которого пребывают в неравных условиях. И чем больше разнятся эти возможности, тем выше нестабильность общественного порядка и тем больше государство вынуждено вмешиваться в экономику, нередко тем самым тормозя ее развитие. В отдельных случаях такое вмешательство доходит вплоть до полного контроля над экономическими процессами, что, в свою очередь, сдерживает развитие экономики и ограничивает свободу членов общества. Для предотвращения подобных явлений всегда существовали и будут существовать границы государственной деятельности, устанавливаемые в соответствии с определенной философией свободы, степень которой не навсегда задана, а меняется в зависимости, прежде всего, от уровня общественного развития.

Указанное противоречие по-разному разрешается разными обществами, поскольку в современном развитом мире модель общественного выбора значительно отличается даже среди стран-лидеров. Речь идет о принципиальных отличиях американской и европейских моделей, которые стали результатом общественного выбора и в которых роль государства в экономической жизни различна, хотя единым для них является союз общественного и государственного, и его надлежит “признать законченной формой сожителства и незыблемым достижением человечества”⁸⁵.

Можно утверждать, что существует разнообразие общественного выбора, которому отвечает та или иная модель государства, — при том, что и общественный выбор не однозначен. основополагающим при определении свобод в общественном выборе является то, что “истинный разум не может желать для человека никакого другого *состояния*, кроме такого, в котором не только каждый отдельный человек пользовался бы наиболее неограниченной свободой развиваться из самого себя, полностью самобытно, но в котором и физическая природа не приобрела бы никакой другой формы от руки человека, кроме той, которую ей каждый отдельный человек лично и свободно может предоставить, исходя из своих потребностей и склонностей, ограничиваясь лишь пределами собственных сил и собственного права”⁸⁶. Эта мысль сформулирована В. Гумбольдтом в 1792 г., но остается актуальной и по сей день, поскольку сегодня и общество, и государство, и экономика далеко не всегда предоставляют человеку возможность реализоваться даже в пределах собственных сил и собственного права, не говоря уже о возможности увеличить производительную силу труда членов общества за счет накопления знаний, являющихся источником не только силы, но и современной власти.

Все изложенное свидетельствует, что возвращение к проблеме взаимодействия общества, государства и экономики в настоящее время, после столь многих веков их совместного взаимосвязанного развития, после того, как, кажется, все достаточно хорошо и многоаспектно не только изучено, но и реально прожито многими странами и народами, вместе с тем остается актуальным и сейчас, и будет оставаться тако-

⁸⁵ Там же, с. 29.

⁸⁶ Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. Челябинск, “Социум”; М., “Три квадрата”, 2003, с. 18.

вым и в будущем, поскольку процессы развития, происходящие в каждом из представленных институциональных формирований в отдельности и во всех трех вместе, не являются и не могут быть раз и навсегда определенными и, главное, однозначными в силу, прежде всего, их непрерывного развития, а также того, что поведение человека в обществе имеет не только рациональную, но и иррациональную составляющую, и на разных этапах развития соотношение между ними постоянно меняется.

Добившись успеха в экономическом отношении, вдруг обнаруживаем, что большинство людей, стремящихся к этому путем глубочайших изменений в своей жизни, не только не обретают счастья, но и оказываются подавленными. В результате такая (прежде всего, общественно значимая) категория, как счастье, становится экономически значимой, и изучению ее измерения посвящаются работы известных миру экономистов, пытающихся найти пути “примирения”. Неуверенность, отрешенность от происходящего и периодический протест начинают проявляться во многих сферах общественной жизни, а стремление к свободе и полученная в современных условиях свобода выбора, свобода поведения, к чему так стремились все вместе и каждый в отдельности, вдруг подменяются и уходят на второй план. В то же время такая значимая категория, как неравенство, ставшее следствием, в первую очередь, отсутствия возможностей реализоваться для многих людей, получивших свободу, и одновременно образовавшиеся в обществе возможности для некоторых достичь материальных благ в невиданных масштабах (даже несмотря на определенное улучшение жизни в материальном смысле в целом в той или иной стране) становятся первоочередными и одними из наиболее животрепещущих проблем в общественной жизни. К тому же неравенство вследствие изменений в экономике, превратившись в риск, стало угрозой для стабильного развития и общества, и государства, и самой экономики — как в национальном, так и в глобальном масштабах.

В этом контексте рассмотрение вопросов взаимодействия и развития общества и государства в отношении их единства и противоречий является важным, поскольку трансформационные преобразования в странах, переживающих переходный период, вызвали в общественных процессах изменения, которые пришли в несоответствие и даже в противоречие с изменениями в экономике, приобретшей признаки либерализации и свободного движения труда, капиталов и товаров. В общественной жизни начали массово проявляться теневые услуги, представленные, например, и через такое достижение современной жизни, как социальные сети, что, в свою очередь, усилило социальное отторжение в обществе. Кроме того, государственное воздействие на процессы, происходящие в обществе, в ходе минимизации его роли во влиянии на экономику стало терять юридический контроль и возможности расширить взаимодействие между людьми, с одной стороны, сужая тем самым возможности социального вовлечения (что весьма важно для беднейших слоев населения), а с другой — также сокращая все те же возможности приумножения социального капитала страны, являющегося залогом стабильности государства и средством, “с помощью которого народ развивает свое историческое предназначение”⁸⁷.

В то же время собственность и доходы, контролируемые богатой частью населения, подрывают основы общества знания на будущее, поскольку за счет имеющейся базы перераспределения доходов позволяют получить знания, являющиеся и силой, и возможностью получения власти в пользу все той же более богатой и более образованной части населения — как в отдельной стране, так и между странами. В отдельной стране это происходит за счет перераспределения, а между странами — за счет перемещения ресурсов труда и капитала, отдельно контролируемых креативно действующими и талантливыми членами общества и более богатыми

---

⁸⁷ Кургинян С. Россия обречена снова стать сверхдержавой. “2000” от 13 апреля 2012 г., с. 47.

государствами. Как следствие, в таком случае развитие экономики подрывает общественную стабильность, углубляя неравенство в будущем.

Сегодня обращение к проблеме единства и противоречий между обществом, государством и экономикой актуализировалось, прежде всего, потому, что современное развитие экономики и общества на основе стабильности и безопасности, обеспечиваемых в первую очередь государством, теряет основы своей стабильности за счет:

- массовой бедности, с одной стороны, и продолжающейся концентрации богатства – с другой;
- “вымывания” среднего класса;
- сохраняющейся недоступности накапливаемых креативных знаний и невозможности их трансформации в обыденное знание;
- утраты государством возможностей для формирования его как государства общего благосостояния вследствие контроля его деятельности со стороны олигархата;
- ослабления общественного влияния на формирование социального человека и превращения его в экономизированного субъекта с деньгоцентристским устремлением;
- формирования общества для избранных вместо общества для всех.

В современном общественном устройстве происходит много новых процессов, поскольку экзогенно заданным условиям необходимо приспособиться к требованиям глобальной среды, нарушая традиционное (преимущественно эндогенно ориентированное) общественное устройство, что, в свою очередь, формирует угрозу утраты суверенитета национальным государством. По сути, реальный, а не формальный его суверенитет стал уделом избранных богатых стран. В силу этого возникают противоречия относительно:

- наступления изменений в социальном государстве путем стирания межгосударственных границ из-за глобального перемещения информации и ресурсов;
- повышения хаотичности в сочетании силы и способности государств в ходе приспособления к экзогенным условиям в сопоставлении с эндогенными факторами;
- ослабления силы и социальной мощи государства вследствие деятельного изменения культурных навыков.

Институциональная обустроенность государства в юридически оформленной целостности позволяет ему в разной степени доминировать над национальной организацией общества путем использования власти, осуществляющей регулирование общественных отношений и управление отдельными общественными процессами, в том числе и путем принуждения, и даже нелегитимным путем, включительно используя деньги как атрибут государства для получения и сохранения власти властными структурами вследствие иррационального поведения, мотивированного непреодолимой силой жадности, а также стремлением к чрезмерному обогащению и разрушению тем самым социальной организации общества. Это формирует в обществе непреодолимое внутреннее имманентное свойство противостояния его, как более раннего формирования, государству, с одной стороны, и государства, как продукта общественного развития, обществу – с другой. В силу того, что такое противостояние разрешается путем формирования и реализации власти как политического устройства общества, а борьба за власть была и будет постоянной, то впереди еще неоднократное обращение к проблеме противоречий между обществом, государством и экономикой, поскольку на пути их разрешения будут развиваться институты власти и изменяться властные полномочия государства. Но это уже проблемы другого исследования.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2012 г.
